

Исторические и лингвистические обоснования происхождения русского народа в творчестве М. В. Ломоносова¹

Историческая ценность позиции Ломоносова по вопросу вероятного происхождения славянских народов (мера её объективности и научной достоверности) весьма скромна и потому неоднократно пересматривалась и критически корректировалась, хотя никогда до конца не опровергалась по причине невозможности полной реставрации исторического процесса. Ломоносов, как известно, был сторонником так называемой «скифо-сарматской» версии происхождения славянского этноса. Впервые упомянутая в Баварской хронике XIII в., эта версия стала довольно популярной в учёных кругах Западной Европы XIV–XVIII вв.² и не осталась незамеченной в просвещённой России. Но если в отечественной истории конца XIX — первой половины XX в. она постепенно сошла на нет, то в отечественном языкознании она до сих пор вызывает интерес. В частности, акад. А. И. Соболевский³ и проф. А. А. Зализняк⁴ проверяли её основательность с точки зрения отражённых в ней закономерностей становления славянских языков. С осторожным пониманием отнёсся к этой теории и акад. О. Н. Трубачёв: «...на... просторах земли к северу от Чёрного моря, которые в старину звались южно-русскими степями, кипела жизнь, складывались

¹ Текст подготовлен в рамках проекта НАНУ–РГНФ «Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли» (постановление Президиума НАНУ № 100 от 30.03.2011 г.)

² Показательно, впрочем, что «популярность» не всегда является критерием «основательности» и «научности». Профессиональные историки отнеслись к этой теории с величайшей осторожностью; на ум приходит лишь имя Э. Гиббона. А вот дилетанты в области истории, напротив, восприняли её с большим энтузиазмом. На ум приходит точка зрения такого неавторитетного в области истории гения, как Лейбниц. Занимаясь историей славян по просьбе Петра I, он в одном из своих писем в 1708 г. писал: «Под сарматами я разумею все славянские племена, которых древние называли сарматами, прежде чем стало известным название славян или славов» (*Лейбниц Г. В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. И. Герье. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. — С. 211).

³ См.: *Соболевский А. И.* Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии / Соч. А. И. Соболевского, заслуж. проф. Имп. Акад. наук, академика Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1910. — [2], IV, 287 с.; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // Известия отделения русского языка и словесности АН (ИОРЯС). — Пг., 1923. — Т. 26; *Соболевский А. И.* Славяно-скифские этюды. — ИОРЯС. — Л., 1928. — № 1, кн. 2; Л., 1929. — № 2, кн. 1; *Соболевский А. И.* Археологические замечания // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. — К., 1892. — Кн. VI. — Отд. II. — С. 2–10.

⁴ См.: *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. — № 6. — М., 1962. — С. 28–45.

формы межплеменного общения и свои традиции наименований. Ещё эти степи называют скифскими или сарматскими. Но их этническое прошлое было богаче. В VI в. на этих берегах упоминается народ *рос*, а также *росомоны*, с которыми (а также с роксоланами) пытался связать нашу Русь не кто иной, как Ломоносов»⁵. Впрочем, развёрнутого анализа позиции Ломоносова в трудах Трубачёва мы не находим.

Среди сторонников скифо-сарматской теории в отечественной истории второй половины XX — начала XXI вв. наиболее заметен М. Ю. Брайчевский⁶.

Подробности исторических изысканий Ломоносова достаточно хорошо исследованы в соответствующей литературе⁷ и оценка их не является специальным предметом данной статьи. Гораздо более интересным видится анализ *практической, социокультурной* направленности его исторических идей и той роли, которую играл в их становлении совокупный идеологический процесс просвещенческой России. Соответственно, нынешняя актуальность исторической позиции Ломоносова обусловлена возможностью проанализировать обратное влияние исторической мысли на особенности становления и содержание российской просвещенческой идеологии. Иными словами, *важно не только*

⁵ Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. — М.: Наука, 1999. — С. 123. См. также: Трубачёв О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Трубачёв О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. — Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 25–102.

⁶ См.: Брайчевский М. Ю. Дослідження М. В. Ломоносовим історії древньоруської держави (До 250-річчя з дня народження М. В. Ломоносова) // Український історичний журнал. — № 6. — К., 1961. — С. 94–99; Брайчевский М. Ю. По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. — Т. XVII — М.–Л., 1960. — С. 144–154; Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология): Сб. науч. тр. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 19–30.

⁷ См.: Антипин Л. Н. Ломоносов: у истоков отечественной исторической науки. — М.: Моск. гос. текстильный ун-т им. А. Н. Косыгина, 2009. — 229 с.; Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века // «Философский Век». Альманах. — Вып. 4. — СПб.: Санкт-Петерб. Центр истории идей, 1998. — 267 с.; Вьюнов Ю. А. Вклад М. В. Ломоносова в развитие отечественной научно-исторической мысли // М. В. Ломоносов и современная филология: науч. чтения / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — М., 2008. — С. 43–53; Милоков П. Главные течения русской исторической мысли. — 3 изд. — СПб.: Изд-во М. В. Аверьянова, 1913. — С. 16–127; Каменский А. Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: сб. ст. и материалов / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред. Э. П. Карпеев. — СПб., 1991. — Т. 9. — С. 39–48; Карпеев Э. П. Антиномизм Ломоносова // Русская культура и Ломоносов / Э. П. Карпеев. — СПб., 2005. — С. 131–133; Лобанов Н. А. М. В. Ломоносов о происхождении и сущности древнерусского государства // Правоведение. — 1961. — № 4. — С. 136–139; Фомин В. В. Ломоносов: гений русской истории. — М.: «Русская панорама», 2006. — 488 с.; Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. — М.: Радикс, 1995. — 157 с.; Шанский Д. Н. Запальчивая полемика: Герард Фридрих Миллер, Готлиб Зигфрид Байер и Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России: XVII — начало XX века: Сб. / Отв. ред. А. Н. Сахаров; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 1996. — С. 28–38; Шолохов А. Б. Ломоносов о целостности и многомерности истории // Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения: Сб. ст. / Рук. авт. коллектива В. И. Голдин. — М., 2010. — С. 156–179; Шулепова О. Б. Феномен несогласия в историческом учении М. В. Ломоносова // Вопр. гуманитар. наук. — 2007. — № 1. — С. 39–43.

*то, насколько выводы Ломоносова в сфере отечественной истории отвечали объективному положению вещей, но и **причины, по которым учёный избрал именно эту, а не иную исследовательскую позицию.***

Проблема происхождения славян заинтересовала Ломоносова не случайно; весь ход его исследовательской деятельности показывает, что рано или поздно он осознал бы необходимость заняться рассмотрением этого вопроса. Всю жизнь отстаивая позицию исторического предназначения России быть прогрессивной, он неизбежно должен был начать поиски исторических начал судьбы своего народа и государства. Но повод для этого, как это часто бывает, оказался совершенно случайным. Как известно, Ломоносова возмутила концепция «диссертации» Г.-Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» (1749), в которой последний разделял точку зрения немецкого филолога и историка Г. З. Байера, положившую начало так называемому «норманнскому» или «варяжскому» вопросу происхождения славян⁸.

При внимательном изучении произведений Байера, Миллера и Ломоносова хорошо видно, насколько избранные русским и немецкими учёными методы исследования разнятся между собой. Байер видел подтверждение этнических характеристик первых славянских правителей в их собственных именах, которые запечатлела «Повесть временных лет»: «Посмотримъ на имена перьвыхъ Царей из Варягов бывшихъ. Имѣемъ мы со всѣхъ перьваго Рурика. Сіе имя какого есть народа, как не Скандинавскаго, или Датскаго? О Рурике Датскомъ Королѣ Пятомъ и десятомъ Саксон Сіаланденскій объявляетъ, оный у Эрика Короля, или Королевскаго монаха, въ Исторіи Датской Рорикъ называется. Въ расписаніижъ Рунскомъ Королей Датскихъ от Олая Вормія изданномъ, Рорекъ. У Норвежцовъ знатный есть Грорекуръ или Рорекуръ... Уповательно, что тожъ имя, которое у германцовъ (:немцовъ) было Ругерикъ и Рогерикъ брату Рурикову Тревуръ, Трубаръ, Тровуръ имя было, как Русскія исторіи обьявляютъ у Саксона грамматика. <...> Остались имена Скандинавскія также и в потомстве, и в

⁸ См.: *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ автора Феофила Сигефра Беэра, бывшаго профессора восточной исторіи, и восточныхъ языковъ, при Имп. Академіи наукъ / Переводилъ с латинскаго языка Кириакъ Кондратовичъ. 1747 года, в генваре. — Санктпетербургъ: При Имп. Акад. наукъ, 1767. — [11], 56 с.

доме Руриковомъ. Примѣромъ есть сынъ Игорь, как имя его Россіяне выговариваютъ: ибо у Константина Порфиророднаго есть Ιγγωρ Ингоръ...»⁹ Как видно, Байер весьма непоследовательно подходил к решению проблемы. На основании исследования старинных рукописей он изучал исторический контекст, при этом не слишком вдавался в подробности лингвистической формы подачи исторических сюжетов. Его интересовала мера адекватности отражения событий прошлого в памяти народа, но он никак не связывал это с историей языка. Таким образом, смыслом его исследований стало рациональное прочтение (=критика) мифических сюжетов, при этом, он совершенно логично *трактовал язык только как явление, производное от образа жизни, и потому рассматривал имена собственные как вторичные по отношению к этническому происхождению народа; имена собственные — символические признаки племенной принадлежности, исключая случайность фонетических и орфографических совпадений*. Поэтому сходные условия жизни, по его мнению, порождали сходство в языках и собственных именах, а это приводило к абсолютизации объективного фактора и дальнейшим ошибкам в определении критериев происхождения народа. Так, Байер вполне естественно допускал, что «Какъ Влодимиръ Славенское имя есть, такъ Валдемаръ Нормандское и Нѣмецкое»¹⁰. Однако следующий вывод был совершенно нерациональным: на основании этого он произвольно *выводил корни собственных имён из корней имён нарицательных*, в которых запечатлелись некие общие представления, отражавшие устойчивые, схожие и важные события в жизни совершенно различных народов. В результате получалось, что имена «Владимир», «Вольдемар», «Валгалла» и подобные им произошли от единого старинного немецкого корня *Wal* (поле битвы) и имеют скандинавскую природу¹¹. Следуя логике Байера, князь Владимир должен был иметь скандинавские корни.

Эту же методологическую позицию разделял Г. Ф. Миллер. В «Возражениях» на его пресловутую диссертацию Ломоносов указывал, что «Отвергает

⁹ *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 11–13.

¹⁰ *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 17.

¹¹ См.: *Байер Г. З.* Сочиненіе о варягахъ... — С. 17–19.

господин Миллер мнение учёных людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя *роксолане* переменилось на имя *россияне*, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили»¹². Что и говорить, весьма неоднозначное замечание. С одной стороны, упрёк Ломоносова кажется вполне заслуженным: Миллер опасался мыслить широко и принимал лишь очевидные вещи. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что *Миллер не желал реконструировать реальную историю народа, ограничиваясь историей языка, в которой реальность легко могла быть подменённой субъективными соображениями.*

Совершенно иным был исследовательский подход Ломоносова. Приступив к изучению вопроса, как и немцы, с сопоставления старинных источников, он, однако, *совершенно иначе понимал роль языка в историческом становлении народа.* Оттого и результаты исследования получались совсем другими.

Отношение к языку в России всегда было иным, нежели в Западной Европе. Исторически складывалось так, что сакрализованные языки европейского Средневековья и Нового Времени — латынь и древнегреческий — были языками мёртвых культур; языки живых культур, напротив, считались профанными, годными лишь для повседневного общения, в лучшем случае для создания художественных «фикций». В России старославянский язык долгое время был единым для письменного и устного пользования¹³. Его постепенная трансформация в церковнославянский и консервация в этом виде пришлись на XIV–XVII вв., когда ранее единый народ уже не был единым. Тогда же на основании ме-

¹² Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 25–26.

¹³ Ломоносов видел в этом преимущество родного языка, недостаток же латыни полагал в оторванности от повседневной жизни: «...как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своём языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим» (Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 7. Труды по филологии. — М.; Л., 1952. — С. 588).

стных диалектов параллельно стали формироваться языки повседневности, ставшие потом национальными. Но всё равно они сохраняли близкие родственные связи, и общее отношение к писаному слову оставалось благоговейным.

После утверждения Петром I новой упрощённой азбуки образовалось, фактически, два самостоятельных языка, один из которых в неизменном виде существовал в старинных и современных религиозных текстах и православном богослужении, другой черпал из быта и других языков различные новшества и постоянно менялся. Но отношение к этому *новому* языку оставалось *старым*, то есть возвышенно серьёзным и искажавшим его настоящий смысл: новый язык отличался новым величием, представляясь признаком нового жизненного уклада, нового национально-этнического состава народа, новых мировоззренческих приоритетов. Словом, новый язык означал новую жизнь. И если это происходило сейчас, значит, происходило всегда. Если Пётр смог утвердить новую азбуку, значит, Ломоносову, получившему начальное образование на церковнославянском, под силу было утвердить обратное — увидеть общее между «старым» и «новым» и показать пользу «старого» как *механической и абсолютной* причины «нового» — как возможность сочетания слов из различных языков. Отсюда и неизбежность создания «теории трёх штилей» с целью доказать нетленность древнего языка, незаменимость и присутствие его в веках как свидетеля истории.

Таким образом, язык для Ломоносова был непосредственным отражением всех, бывших когда-либо и будущих событий, к тому же, наиболее надёжным способом их сохранения. Даже радикально трансформировавшись на протяжении столетий, слово никогда полностью не отрывается от первоначальных корней; нужно лишь обладать способностью расшифровывать их смысл.

Иными словами, если немецкие учёные рассматривали язык как главное следствие образа жизни, то для Ломоносова он являлся уже не просто главным, а *единственным* критерием этнической принадлежности народа и основанием возможности ассимиляции с другими народами в будущем. В этом смысле учёный мыслил в соответствии с церковно-славянской традицией, где отождеств-

лялись термины «народ» и «язык»¹⁴. Вот почему, не найдя в современном ему русском языке скандинавских элементов, Ломоносов сделал вывод о ложности норманнской теории происхождения славян. А вот иранские и балтские корни в нём присутствуют, и это стало одной из причин, заставивших его поддержать скифо-сарматскую теорию и предположить, что «варяжские» пришельцы были прусского происхождения. Эта методология также побудила Ломоносова признать достоверность упоминания о славянах или схожих с ними племенах в античных и византийских исторических хрониках.

Подобные взгляды отражали основные особенности *просветительской* общественной установки на практическую направленность всех без исключения наук, среди которых предпочтение отдавалось прикладным сферам. История в таком понимании была эмпирическим, чувственным видом знания, формирующим теоретические выводы всецело на основе собирания и систематизации фактов. Поэтому историки стремились по возможности избегать привлечения каких-либо других теорий, предоставляя на суд читателя, так сказать, «априорное аналитическое пространство» — «голое известие о бытности»¹⁵. При этом скромно умалчивалось, каким образом будет достигаться непосредственность восприятия «бытности», давно канувшей в Лету. По сути, *история превращалась в историографию, писаную историю*, заслонявшую собой прошедшее настоящее. Это означает, что происходила неосознанная взаимная подмена логических и исторических связей, которая является критерием *мифологического* отношения к миру. В частности, *достоверность* и *правдоподобие* подаваемых в летописях событий выступала под видом их *истинности*. Иными слова-

¹⁴ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. — Т. 4. — М.: Прогресс, 1987. — С. 550–551; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. — 3 изд., стереотип. — Т. 2. — М.: Русский язык, 1999. — С. 467–468.

¹⁵ См.: *Теплов Г. Н.* Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. — СПб.: При Имп. Академии наук, 1751. — С. 67.

ми, *для рационального осмысления историю должно было превратить в противоположность — миф*¹⁶.

Мифологизм был всеобщим основанием, определявшим характер мышления Ломоносова, Байера, Миллера и др., однако в силу вышеуказанных обстоятельств проявлялся по-разному. Можно сказать, что все они строили свои идеи на едином основании, но по содержанию как будто двигались от противоположного навстречу друг другу.

В понимании немцев *история была насыщена объективными законами* в виде неких предметных, но не очевидных ныне обстоятельств далёкого прошлого, которые, однажды отразившись в языке, раз и навсегда задали вектор существования и развития народа. Тем самым, Байер и Миллер, чрезмерно доверяя силам собственного разума, мифологизировали его возможности, то есть наделили его несвойственными ему функциями. В результате *ограниченные во времени и пространстве объективные обстоятельства прошлого преподносились как основания языка, который является бесконечно осуществляющимся событием*. Это и был опыт рациональности как опыт выстраивания «*мифа рациональности*».

Ломоносов же полагал, что *история народа сама по себе законов не имела* и обеспечивалась устойчивым, бесконечным, почти что вечным фактором — развитием языка, и благодаря ему в любой момент могла свернуть куда угодно. Подтверждением тому был неожиданный рывок реформ Петра и стремительное вхождение России в европейское пространство. Иными словами, для Ломоносова *язык был бесконечным основанием ограниченных времен исторических этапов*. Вот почему в своих исследованиях он размышлял вопреки формальной логике — брал за основу древние сказания и пытался реконструировать их содержание, сравнивая структуру древнерусского языка с состоянием современного ему русского языка. Таким образом, он как будто выстраивал пространство рациональности «внутри» легендарной, мифической формы, оты-

¹⁶ Важно понимать, что в данном противопоставлении история не должна ассоциироваться с «правдой», а миф — с «ложью» или «иллюзией». Оба они являются формами проявления бытия. Разница лишь в способах его восприятия. История есть бытие, воспринимаемое рационально, аргументировано и понятно; миф — бытие, воспринимаемое чувственно, безоговорочно и мгновенно.

скивая в мифе рациональное зерно и создавая новый мир новой рациональности — *«рациональности мифа»*, в которой форма и содержание то и дело менялись местами в зависимости от поставленной цели.

То есть, немцы исходили из объективности (факта случайности) событий прошлого и на их основании выводили особенности языка как способа описания этого прошлого. Ломоносов, напротив, интересовался не тем, *что* происходило когда-то, а тем, *как это отражалось в языке*. Он полагал, что события могут лгать, а язык — нет. Форма подачи события есть критерий его истинности.

Доверие Ломоносова языку как форме в сравнении с конкретными его воплощениями в древних письменных свидетельствах привело к отождествлению или подмене имени народа и его исторического носителя, в результате чего язык стал представляться *абсолютным* критерием этнической самоидентичности: «Перемена имени *роксолане* на *россияне* весьма невелика и много меньше разницы имеет, нежели *Киев* и *Кенугардия*, которые господин Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру σ переменяют иногда аттики на ξ, то не дивно, что из речения *россолане* сделалось у греков *ροζолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россиане*, как только окончанием по разности языков. С роксоланами соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает, что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *аланы*, о чём и Киевского Синописа автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый *россы*. А как слово *росс* переменялось на *русс* или *русь*, то всяк ясно видит, кто знает, что поляки *о* в выговоре произносят нередко как *у*, напр. бог, буг; мой, муй; король, круль; ров, рув; конь, кунь; толстый, тлустый, и проч. Сие имя иностранные писатели девятого века и позже услышав от поляков, стали *россов* называть *руссами*»¹⁷. Ломоносов почти везде говорил о «происхождении *имени и народа* *российского*», не разделяя эти два понятия, и, со-

¹⁷ Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера. — С. 26. Если же Ломоносов где и ссылался на древние источники, где предки россиян именовались как-то иначе — к примеру, «вагры», как у Адама Бременского, то трактовать это следовало так, что иноземцам попросту не было известно их настоящее имя. В отличие от него, Байер ранее не был столь доверчив (См.: Байер Г. З. Сочинение о варягах... — С. 7–8).

ответственно, не делая различия между феноменами: *народ российский сущий есть, только обладая соответствующим именем*. А это уже не только терминологическая, но и общая гносеологическая подмена, в которой *представления сливаются с объективной реальностью, и объект исследования становится внутренне неопределённым*, либо же слишком абстрактным, почти безграничным по смыслу: как мы помним, Ломоносов, увлечшись поисками сходства языковых корней, отождествлял «вагров» с «варягами», «вендов» и «волжских аланов» со «славянами» и проч.¹⁸ В этом проявлялся важнейший признак мифологического мышления.

Ещё одним, не менее важным, признаком мифологизма является *неопределённость субъекта исследования*. Действительно, среди причин, определивших мифологический характер мышления, немаловажными были индивидуальные условия жизни и творчества учёных, которые на фоне объективных исторических закономерностей развития российского общества представляли собой примеры «абсолютной случайности», «недоразумения» или даже «чуда». Именно самовольная политика Петра и его последователей привела к тому, что новая история российская с самого начала *творилась руками* россиян, но *под руководством* иностранцев. Парадокс в том, что первые заказы на исторические исследования препоручались иностранцам, которые охотно брались за дело, толком не понимая, кто они в этой миссии. В свою очередь, отечественные летописцы, имея чрезвычайное рвение, по разным причинам не справлялись с поставленными задачами. Так, индивидуальные особенности мышления Татищева, Тредиаковского и Ломоносова состояли в причудливом соединении самородного ума и педантично усвоенного заграничного образования; но именно это стало основанием мифологической *подмены исторических* методов исследования *идеологическими* и *конкретно-научными*, а в отдельных случаях — основанием *субъективного, произвольного выстраивания причинно-следственных*

¹⁸ См.: *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история... — С. 209, 210. Тогда же, следуя логике самого Ломоносова, можно предположить, что если имя определяет народ, то, называя славян по-другому, иностранцы могли воспринимать их как «других», и от этого они, вправду, становились «другими».

зависимостей между социально-политическими и экономическими обстоятельствами и этническими характеристиками древних предков славян.

Поэтому неудивительно, что в логике исследовательской деятельности Ломоносова случайное преобладало над необходимым, в результате чего необходимые связи и закономерности исторического становления славянского этноса представляли в его интерпретации как случайные, а случайные связи господствовали под видом необходимых. Это приводило к тому, что реальность и кажимость почти не различались. Так, Ломоносов отстаивал объективно правильное допущение о том, что история любого народа не имеет однозначной отправной точки в виде какого-то «прасобытия». А значит, никакое «прасобытие» не может быть основанием имени народа, поскольку имя отражает в себе гораздо больше, нежели предметные ситуации. В частности, он полагал, что началом отечественной истории никак не мог быть 862 г., когда, согласно Нестору, новгородцы «призвали варягов». Ломоносов совершенно естественно усматривал не только историческое, но и формально-логическое противоречие в этом свидетельстве: если таково «начало», тогда как быть с уже жившими к тому времени новгородцами (=носителями имени), которые, к тому же, были настолько цивилизованы, что осознавали необходимость единой централизованной власти? В таком понимании история, боясь начаться «ниоткуда», искусственно сама себя ограничивала. Одним из надёжных аргументов в пользу своего утверждения Ломоносов полагал факт существования письменности у северных племён Новгородско-Псковско-Балтийского региона задолго до формирования церковнославянской грамоты. Тем самым, церковно-славянский перевод Библии не мог быть основанием древнерусского литературного языка, а лишь одной из его составляющих наравне со старославянским. Это, по мнению Ломоносова, могло также служить пояснением, почему в русском языке до сих пор встречаются корни древнейших языков Запада и Востока.

Однако Ломоносов не мог найти для своей концепции надёжные методы исследования и потому, наряду с анализом вынужден был апеллировать к авторитетам. Не имея надёжных критериев распознавания достоверных источников,

он вынужден был отдавать предпочтение количеству перед качеством. Наряду с непосредственными и авторитетными свидетельствами ему приходилось зачастую использовать и очень косвенные, не имевшие отношения к истории славян источники, и даже откровенно мифологические предания, доверяя их древности и популярности. В этом смысле его роль как субъекта исследования то и дело становится под вопрос.

Всё это приводило к тому, что взаимная неоднозначность субъекта и объекта исторического исследования трансформировалась в *тождество, точнее, в невозможность их автономного определения*. Это, в частности, подтверждалось многочисленными суждениями о Ломоносове как о поэте по преимуществу, нежели учёном, как о поверхностном «ура-патриоте», который по одной лишь причине национальной принадлежности «стал доказывать, что шведы, с которыми мы воевали, не могут быть предками наших князей»¹⁹.

Конечно, в патриотизме Ломоносову нельзя отказать, но любовь к Родине — чувство самородное и очень личное, само по себе недостаточное не то что для построения, но даже для сознательной поддержки какой-либо теории; поэтому оно обязательно должно было трансформироваться под воздействием полученного в Европе рационалистического, регулярного образования в объективное и последовательное (в рамках своего времени, конечно) отношение к отечественным историческим истокам. Оппоненты Ломоносова постоянно пели ему в том, что *в истинном отношении к делу не должно быть места личным интересам*. Однако личная раздражённость и гнев Ломоносова против диссертации Миллера совпадали с общей направленностью его исторических и логических аргументов: «Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоны, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе, чего ему учинить отнюд было не должно...»²⁰

¹⁹ Бестужев Рюмин К. Н. Русская история. — Т. 1. — СПб: Изд-во Д. Е. Кожанчикова, 1872. — С. 211.

²⁰ Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера. — С. 30.

Наконец, последний признак мифологизма, который в большей мере проявился у Ломоносова, нежели его оппонентов, — *принцип тождества временных этапов, отсутствие представления о ценностной иерархии прошлого, настоящего и будущего, и об одинаковом воспитательном воздействии времён*. Этой особенностью определялись основная цель и смысл любого его исследования, не только исторического: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила»²¹. Иными словами, *историческое время определялось*, по замыслу Ломоносова, *типичностью протекания времени социального*, в центре которого находятся не всякие, а лишь наиболее важные, судьбоносные события. Поэтому, отдавая дань авторитету древнерусских летописей, Ломоносов стремился опираться не только на них, но и на писания древнегреческих и латинских авторов в поисках наиболее известных и общих сведений о жизни наших предков. И потому вёл историю российскую «от времён, глубокою древностию сокровенных»²².

* * *

Поскольку миф является лишь формой мышления (способом его подачи), а не содержанием, он неизбежно несёт на себе отпечатки эпох, в которых проявляется. Просвещенческий миф — не исключение. Он есть «мужество пользоваться собственным умом» (И. Кант), и потому понятно, отчего именно в это время происходил настоящий бум на исторические исследования. В какой-то момент в обществе начинают осознавать неудовлетворённость разума исследованиями настоящего времени и обращаются, будто бы за советами, к прошлому. А чтобы обращение к прошлому не выглядело искусственным, история должна стать «*философией истории*», наполниться авторской мыслью, стать со-

²¹ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... — С. 171.

²² Ломоносов М. В. Древняя Российская история... — С. 169.

временной в личном переживании и прилежно усвоенной, как школьный урок. Она должна стать «ипостасью» самого исследователя, обучать, направлять и совершенствовать, что, конечно же, миф, ведь обучение, направление и совершенствование исходит не от событий, а от преподносящих их субъектов. Так просвещенческий миф манипулировал умами, став исторически первой формой *идеологии*.

В связи с этим понятно, почему Ломоносов никак не мог принять норманнскую теорию происхождения славянского народа: она противоречила и просвещенческому, и мифологическому критериям его мышления. Во-первых, она освещала славянский этнос как неполноценный в плане внутренней политики. И сразу напрашивался вопрос: как могло произойти такое стремительное возвышение Руси при князе Владимире и Иване Грозном? Во-вторых, она разрушала миф о миссии Петра и России как «европейской державе» и пресекала возможность подниматься из низов талантливым одиночкам, вроде самого Ломоносова.

Рассуждая об исторических заслугах того или иного народа, награждающих его вечной жизнью, мыслитель полагал, что это, прежде всего творения ума и рук. Но поскольку далеко не всё, созданное мастерами глубокой древности, способно устоять против варваров, остаётся ещё один способ не затеряться во времени — добыть себе бессмертие справедливым и мудрым жизненным укладом, который другими народами может быть в пример взят. По мнению учёного, мало что из искусств и наук славянской древности сохранилось, но государственный опыт был настолько велик, что известны были предки славян древним историкам — Птоlemeю, Страбону, Плинию, Прокопию Кесарийскому и более поздним христианским историкам — в частности, Преторию. «Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с геттами или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское... Хотя ж россаны по большей части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вы-

шеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными. Аларик, Рима победитель, почитается от Претория за ружанина, затем что Прокопий одного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были. В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сциррами и герулами напал на Италию, Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в Администрации пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем»²³.

Если оставить в стороне стилистические и исторические гиперболы, мысль Ломоносова была достаточно здрава и вполне рациональна: *истоки того или иного народа лежат в бесконечности и потому неопределённые, ведь каждый народ предшеством своим имеет множество других народов, оставивших в его культуре многочисленные следы*, расшифровать которые можно лишь с помощью языка.

Но если историческое начало есть «условная остановка в бесконечном времени», тогда кажется, что история как сводная память народа не имеет смысла: «что нам Гекуба?», как сказано было столетием ранее Ломоносова. Поэтому и имя «Русь» теряет со временем свой первоначальный смысл.

²³ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочинённая Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской Академий наук // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 6. — С. 212–213.

Учёный рискнул предположить, что доказать *исторический* факт древности народа возможно не только с помощью археологических находок и надёжных письменных источников, но и *логическими* (точнее сказать, *идеологическими*) средствами: *не древность истории является причиной надёжности государственного устройства, а, напротив, тот или иной тип государственного устройства определяет длительность истории народа*. А иначе чем ещё, кроме как мудростью государственной политики, можно пояснить предпочтение князем Владимиром христианства, и освобождение Московского княжества от трёхсотлетнего татарского ига, и, наконец, стремительное вхождение России в Европу при Петре, да и его, Михайлы Ломоносова, судьбу? Без преувеличения, эта мысль звучала почти по-гегелевски: «всё действительное разумно, всё разумное — действительно». К этому глобальному допущению Ломоносов пришёл на основании собственного жизненного опыта: именно благодаря мудрой политике Петра Великого безвестный поморский мужик смог стать государственной фигурой. Такие установки, конечно же, следует принимать с осторожностью, так как между подобными событиями есть связь, но основание её неявно и поэтому может быть трактовано совершенно произвольно.

Впрочем, Ломоносов, конечно, не Гегель, его суждения отличала сильная мифологическая окраска. Согласно логике Ломоносова, коль мы связываем начало нашей истории с какими-то событиями («кто в Киеве нача первее княжити»), события эти, в силу своей единокрадности и предметной сосредоточенности, достаточно условны. Но поскольку они предметны, то кажутся ясными, понятными и значимыми, и потому их почти всегда избирают для удобства отечественного летописания. Но есть ещё иные свидетельства исторических начал: имя как основание истории народа отражает в себе не память о некоем «прасобытии», а специфику политических отношений, тайну власти, указывая, тем самым, на важность государственности в его жизни. Языческие имена великих князей древности — тому подтверждения: Святослав, Владимир. Ярослав, Ярополк, Святополк, Мстислав, Всеволод, Твердислав... Христианские имена лишь отчасти воплощали эту жизненную прагматику, поскольку она не

сочеталась с доктриной христианского смирения. Впрочем, и здесь случайное было проявлением необходимого: царь Пётр именем своим воплощавший абсолютное единство христианской идеи и жизни, мощью своей утвердил новую, молодую Россию.

Этот миф зависимости судеб народа и индивида от государства призван был стать одним из идеологических средств доказательства авторитетности прошлого и современного государственных устройств России: «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаясь народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение даёт происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских»²⁴.

А потому правильная формулировка вопроса, *кто же* стоял у истоков возникновения славянского этноса — варяги или скифы, имела принципиальное методологическое значение *с точки зрения просвещённого разума*. Позиция Ломоносова достаточно ясна: оба эти народы были чужды славянам, но один из них всё же дал начало славянской истории. Это скифы. Во-первых, они считались несравненно более древним народом, нежели норманнские племена; корни

²⁴ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... — С. 170–171.

скифских легенд пропадали где-то в глубине Античного мира. Во-вторых, (и это для нас гораздо важнее) этническая принадлежность скифов гораздо менее определена, в отличие от славян, чья этническая сплочённость не вызывала сомнений. А всё потому, что скифы — народ кочевой и потому открытый для ассимиляции. Иными словами, скифы, в понимании Ломоносова, обладали слабой культурной самоопределённостью, и потому, воспринимая в какой-то мере чужие традиции, сами вливались в процесс формирования многих более поздних культур. Это, по мнению Ломоносова, могло отчасти пояснять нынешнюю восприимчивость россиян к европейской культуре. Чего нельзя сказать о норманнах, культурная направленность которых изначально была узко экспансивной и осталась такой до последних времён.

Следуя логике Ломоносова, можно сделать вывод, что «неудача» исторической перспективы варягов состояла в том, что они, будучи оседлым народом, вели себя как кочевники и мало занимались совершенствованием отношений внутри своих государств. Поэтому однажды (то есть в 1721 г.) их потомки были раз и навсегда побеждены. Скифы же, напротив, будучи кочевниками, не были агрессивны. И потому вбирали в себя чужие культуры, не вредя им.

Но если славяне происходили от скифов, Ломоносов должен был как-то объяснить цель пребывания варягов на славянских землях. Он не мог опровергнуть факта присутствия варягов и в целом соглашался с тем, что их однажды «призвали». При этом он стремился понять преимущества этого народа, за которые его представителей славяне почтили таким доверием и в дальнейшем даже стали почитать как своих предков. Вывод Ломоносова научном плане был довольно неожиданным и, видимо, не вполне соответствовавшим действительности, но по-своему оригинальным и продуктивным для дальнейшей разработки: *варягов нельзя считать предками славян, поскольку они являлись не этносом, а социальной группой или даже общественной прослойкой*²⁵. Этим, видимо, отчасти поясняется выделение им племён варягов-россов и варягов-

²⁵ Смелая манера ломоносовской интерпретации соблазняет делать ещё более смелые предположения: возможно, варяги и были этносом, как то старались доказать немцы, но для славян это в тот момент не имел никакого значения; им нужно было решить задачи совсем другого рода. Тем самым, роль варягов становилась, так сказать, «технической».

скандинавов: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. <...> Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, истландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах. И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-истландски, варингами, или по-латине северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно»²⁶.

Таким образом, опираясь на аргументы из области исторического и сравнительного языкознания, Ломоносов довольно убедительно доказывал, что никаких «шведов» в период формирования древнеславянского этноса не было и быть не могло. Тем самым он показывал, во-первых, несостоятельность выдвинутых против него обвинений в том, что он, дескать, «таил злобу на шведов». Во-вторых, пояснял, что если факт «призвания» варягов новгородцами всё-таки имел место, то никак не в подтверждение признания превосходства одного народа над другим. Варяги в такой интерпретации Ломоносова выступали *наёмниками*, а это указывало, как раз, на их собственную культурно-этническую и государственную неполноценность и дипломатическую дальновидность славян, которые проявили настолько великую мудрость, что противоречия внутренней политики сумели разрешить, заручившись силой иноземной дружины²⁷.

²⁶ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история... — С. 203–204. Намёки на это можно встретить уже у Байера: «Какое жь было имя Варягамъ? где они жили, то никто такъ совершенно не изъяснилъ...» (*Байер Г. З.* Сочинение о варягах... — С. 2).

²⁷ Рискнём утверждать, что подобный опыт в истории проявлялся не раз. Так, подразделения Швейцарской гвардии с XVI в. и по сей день охраняют Ватикан. Однако никому никогда не приходило в голову трактовать это как культурную или политическую экспансию.

Однако если преобладание идеологического аспекта над историческим и этнографическим в целом прогрессивно влияло на развитие *историко-филологических* экспериментов Ломоносова, то в области *теоретической* филологии не могло не приводить к научным натяжкам, а иногда и прямым искажениям. Так, акад. О. Н. Трубачёв отмечал искусственность употребления Ломоносовым (и не только им) термина «*российский*» в тех случаях, когда уместнее было бы использовать «*русский*»²⁸. В то же время, нельзя не признать, что тому также были политические основания: Ломоносов отстаивал приоритеты монархического централизованного государства и потому рассматривал *национальный* аспект сущности народа (который он иногда отождествлял с *этническим*) как *производный* от аспекта *государственного*. Соответственно, *этническая характеристика «русский» отождествлялась им с государственно-правовой характеристикой «российский» и постепенно вытеснялась последней*.

Таким образом, занимая, подобно Петру, космополитическую позицию «ради пользы Отечества», Ломоносов в то же время безоговорочно считал *русских* главной силой, объединяющей вокруг себя остальные народы Империи. В этом смысле сферы «*российской* грамматики» или «*российского* стихотворства» выполняли не столько функцию развития общественной духовности (были картинками развития *русского* языка и поэзии), сколько функцию идеологическую (выступали универсальными предписаниями, образцами «штилей» изъяснения для всех «народов *российских*»). В результате бесчисленные народы, населявшие бескрайние просторы русской земли, *становились россиянами, оставаясь этнически самими собой*, то есть непосредственно включались в государственный механизм, запущенный русскими.

²⁸ См.: *Трубачёв О. Н.* Русский — российский: История, динамика, идеология двух атрибутов науки // *Трубачёв О. Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 3 изд., доп. — М.: Наука, 2005. — С. 230, 231.